

В. Д. Юдин

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ АГИОГАФИИ

**К ПОДГОТОВКЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
МИТРОПОЛИТА ПЕТРА МОГИЛЫ**

Святитель Петр был, несомненно, иерархом с «великими достоинствами» (Голубинский) и в деле легализации Православной Церкви в Речи Посполитой, и в духовном просвещении, и в восстановлении и благоуукрашении возвращенных святынь Киева и т.д. и т.п.

Однако нравственная сторона его деятельности не была безупречной, вызывает немало недоуменных вопросов и является камнем преткновения даже для его почитателей.

1. Как он достиг «великой архимандрии» (официальный его титул) на Киево-Печерскую Лавру?

С.Т. Голубев, автор капитального труда о нем и весьма к нему благожелательный, тщательным образом исследовав этот вопрос, показал несостоятельность благочестивых выводов многих биографов, будто воеводич Молдавский Петр, склонный к тихой, иноческой жизни, в 1625 г. сменил рыцарские доспехи на монашескую мантию, а архимандрия — это результат его трехлетних аскетических подвигов.

Петр Могила не был монахом в 1625 году, ибо: во-первых, по свидетельству Мелетия Смотрицкого, 8 сентября 1627 года Могила был еще светским человеком; во-вторых, по «Запискам» самого Петра, в 1626 - 27 гг. он не жил постоянно в Киеве, был там посетителем в светском звании; в-третьих, по данным А.Кальнофойского, Могила поступил на архимандрию, «не проходя иноческого искуса»; в-четвертых, как свидетельствует близко знавший его в ту пору составитель Летописца Иерлич, знаменитый митрополит, «при своей доброй и трезвенной жизни, не чужд был желаний и славы света сего» и, как добавляет его жизнеописатель, «по

своему характеру, отнюдь не способен был к жизни замкнутой, к деятельности, ограничивающейся тесными пределами монашеской кельи». (С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Опыт исторического исследования, т. 1. Киев, 1883, сс. 57 - 59).

Почтенный историк не исключает, более того, не видит другой возможности получить Петру такое славное и богатое настоятельство, как по пресловутому в Речи Посполитой праву патронатства и подаванья. Ни для кого не секрет, «что событие это не было явлением, выходящим из ряда обыкновенных, т.к. в то время высшие иерархические места, дававшие право на пользование богатыми монастырскими или епископскими имениями, почти без исключения были замещаемы людьми высших светских классов; места эти были доходною статьею знати, жадной до всего, что представляло материальные выгоды» (там же, с. 59).

Однако Голубев «не может согласиться с тем, что Петр Могила воспользовался указанным обычаем в видах своекорыстных, для личной наживы...» (Там же, с. 60). Блестящий аристократ, «княжеского звания», одушевленный общим религиозным движением против униатства, променял меч на рясу, вошел в тесные сношения с православными иерархами и особенно с митрополитом Иовом Борецким, чтобы посвятить этому всю свою жизнь (там же, сс. 59 - 62).

Борьба Могилы за архимандрито длилась полгода. Его соперниками были «велебный о. Герман (Тышкевич)», униат (подчеркиваем — униат), в прошлом православный, близкий родственник католика киевского воеводы и креатура униатского митрополита Рутского, и игумен Дятеловецкого монастыря, подчиненного Лавре, Василий Копыстенский, родственник только что умершего знаменитого настоятеля Лавры (1625 - 1627) Захария Копыстенского. (Последнее обстоятельство немаловажно, ибо « в рассматриваемое время было делом довольно обыкновенным, что высшие иерархические места переходили как бы по наследству от отца к сыну, от дяди к племяннику, от брата к брату» (там же, с. 71).

Досадной помехой Петру в достижении цели был его несолидный возраст. Ему было только 30 лет, когда молодые дворяне, занимавшие высшие иерархические должности, не оставляли «свои светские прилички и юношеские

шалости, а потому в большинстве случаев, на более важные духовные должности стали избираться маститые старцы» (там же, с. 74).

Серьезным препятствием Петру служило его иноземное происхождение, из «земли чуждой». Был даже закон, запрещающий иностранцам занимать в польско-литовских областях светские и духовные должности.

Наконец, его репутации вредили «хорошие отношения» (Голубев) с сомнительной репутации архиепископом Мелетием Смотрицким, будущим вероотступником, которому уже тогда был заказан путь в Лавру и Киев вообще. (Смотрицкий, между тем, около двух недель летом 1627 года, до выборов архимандрита, гостил в усадьбе Петра под Киевом, где молдавский княжич приобретал поместья). Возникает естественно вопрос: как же 30-летний чужак, друживший с будущим «апостатом», шатания в вере которого были уже известны, «получил от Лаврской братии и обывателей Киевского воеводства избирательный лист, выхлопотал его подтверждение от польского короля и, посвятившись в сан архимандрита, вступил в управление Киево-Печерской обителью»? (там же, с. 74).

Его биограф, расположенный к Петру, недвусмысленно отвечает. Он получил поддержку «искреннейшего доброжелателя митрополита Иова Борецкого», а главное — он обязан влиятельным польским магнатам, главным образом Яну Замойскому, «дружественно расположенным к его фамилии». «Диплом короля, утверждающий элекцию (выборы — В.Ю.), выдан был благодаря означенному содействию. Указание относительно этого делает сам Могила» (там же, с. 78). Могила был посвящен в последних числах декабря 1627 года.

2. Вместе с положительной, в целом, его деятельностью на посту начальствующего монастыря по укреплению дисциплины насельников автономии-обители и обогащению монастыря (он внес немало своих средств в кассу обители) в отдельных его поступках просматриваются «магнатские замашки» (Голубев). Не дожидаясь судебных решений, при возвращении отнятых у Лавры поместий, он употреблял «те же способы, которые практиковались и при их отнятии». В протестациях потерпевших «его наезды приравнялись к разбойничьим нападениям, в его уста влагались жалобщи-

ками самые неблаговидные речи» (В одной жалобе сказано, будто Могила сам участвовал в наезде и угрожал слугам соседа: «Кажу вас на рынку повешать, зрайды нецнотливые»), — пишет историк Голубев (там же, с. 314).

Его биограф, не отрицая сам факт вооруженных наездов, пытается защитить его феодальные поступки «духом того времени»: дескать, они «едва ли могут быть поставлены в вину Могиле» и «должны быть признаны почти что необходимыми (там же, с. 315). Комментарии, как говорится, излишни.

Против стропливой братии он прибегал к мерам строгости и даже жестокости. По рассказу православного шляхтича Иерлича архимандрит избивал больных и старых троицких монахов (почему и сам монастырь назывался больничным и шпитальным), не желавших выехать из обители, которую он присмотрел для высшей школы. «Арсения, игумена..., слепого, так били, что чрез несколько недель умер» (Цит по: С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 5 тт. 9 - 10. М., 1961, с. 456 - 457). Если Соловьев сомневается в справедливости этого рассказа, а Костомаров начисто отмечает эти факты (Н.И. Костомаров. Киевский митрополит Петр Могила. — Избранные произведения. К., 1990, сс. 298 - 299), то Голубев отмечает: «Подтверждением же существования в Лавре неудовольствий из-за намеченного Могилою места для школы служат как совпавшее с этим временем удаление с троицкого игуменства Арсения, так и последовавшая за сим сделка нашего иерарха с новым троицким игуменом (без сомнения, сторонником Могилы)» (Голубев, сс. 333 - 334).

Голубев — апологет митрополита и, тем не менее, совестливый и не скрывающий темные пятна в биографии Могилы, пишет: «В нем проявлялись привычки сознающего свою силу магната, и он, опираясь на эту силу, налагал на братию свою властную руку» (там же, с. 335). Отец Георгий Флоровский пишет то же: «Могила был вряд ли не самым сильным и властным из западно-русских церковных деятелей XVII века. У него был подлинный державный пафос, умение и охота властвовать и побеждать. Сын молдавского государя, «воеводич земель молдавских», он и в звании Киевского митрополита оказался всего скорее господарем, правителем

скорее, чем пастырем...» (Пути русского Богословия. Вильнюс, 1991, с. 44).

3. В 1632 году Петр стал митрополитом Киевским. А мог бы стать и раньше, допустим, в 1631 году, когда овдовела Киевская кафедра, по смерти «его друга и единомышленника» (Голубев) митрополита Иова (Борецкого). Тогда у Могилы явилось было желание занять ее, и он даже сблизился с Киевским братством. Но надежды не сбылись. Голубев объясняет это тем, что «православные все еще не могли забыть близких отношений его к Смотрицкому» (Голубев, т. 1, с. 431), а мы добавим: его попыток сближения с униатами, вообще. При основании Киевской коллегии Могиле было брошено обвинение в шаткости веры, в приверженности к Унии: «На што латинское и польское училище заводите... Было хотели самого Петра Могилу и учителей до смерти побити; едва их уговорили», — пишет современник. А Инспектор школы, преемник Могилы на Киевской кафедре, Сильвестр Коссов добавляет с мрачным юмором: «Было такое время, что мы, исповедовавшись, только и ждали, что вот начнут начинять нами желудки днепровских осетров, или же того огнем, другого мечом отправлять на тот свет» (цит. по: Голубев, т. 1, с. 436).

Его имени даже не было в 1631 году в числе кандидатов, среди которых значились прежний «велебный о. Герман» (Тышкевич), неудачный соискатель архимандрии, Слуцкий протопоп Андрей Мужиловский, популярный полемист с униатами, и архиепископ Смоленский и Черниговский Исая Копинский, известный ревностью к православию и особенно универсалами против сближения с униатами.

Избран был последний.

Как видим, в ординарной обстановке (относительно) архимандрит Петр даже не назывался кандидатом в митрополиты. По-видимому, нужна была экстраординарная ситуация с экстраординарными силами. И она не заставила себя долго ждать. В 1632 году скончался король Сигизмунд III, ярый фанатик. Предстояли выборы нового короля. Претендент на престол наследник Владислав обещал православным религиозную свободу, восстановление утвержденной правительством иерархии и епархий, возвращение храмов и т.д. 13 ноября состоялось избрание его. Он клялся успокоить

и «людей греческой веры», по предвыборному обещанию. Естественно предположить, что православные депутаты будут просить короля об утверждении рукоположенных в 1620 году Иерусалимским патриархом Феофаном иерархов. Православные ждали, что митрополит Исайя Копинский будет утвержден королем. Увы... У Петра явилось желание — быть митрополитом, «не дожидаясь смерти Исайи, — пишет М. Коялович. — Темное это дело, как и многие дела в истории Унии. Нельзя разобрать, откуда вышло это желание. Но вот обстоятельство, несколько разъясняющее эту темноту. Владислав охотно согласился на поставление Могилы митрополитом и дал ему настольную грамоту». И патриарх Константинопольский дал согласие. Это, бесспорно, очень важно. «Но важно, — как справедливо продолжает Коялович, — было тоже отсутствие общего народного избрания, тем более, что об этом прямо говорилось в королевском дипломе к православным, и затем также важно было существование старого митрополита, правильно избранного и уже пользовавшегося митрополичьими правами» (М. О. Коялович. Литовская церковная уния, Т. II. СПб., 1881, с. 184).

Митрополита Петра избрали 3 декабря 1632 года в Варшаве съехавшиеся на избирательный сейм дворянские депутаты. Голубев, щепетильно честный исследователь, сознается: «Под актом избрания подписались и приложили свои печати 49 православных дворян, далеко, впрочем, не все бывшие на избирательном сейме (подчеркнуто нами — В. Ю.). Разъехалось ли большинство депутатов или же, может быть, самое избрание возбуждало в среде некоторых из них сомнения и несочувствие, — решить трудно». А Иерлич в своей летописи пишет без обиняков: «Могилы избран был на митрополию приятелями. У него были приятельские отношения со многими сеймовыми депутатами» (цит. по: Голубев, т. I, с. 535).

Король при живом митрополите Исае 12 марта 1633 года выдал привилей Могиле, которого считал вполне «достойным митрополичьего сана, т.к. дом Могилы всегда отличался преданностью Польской Короне, да и сам архимандрит, будучи еще в светском звании, обнаружил охоту до услуги Речи Посполитой, когда на глазах его — короля — сражался против главного неприятеля Польши Османа, царя турецкого» (Голубев. Там же, с. 539).

Е. Голубинский так подытоживает причины успеха Могилы в получении искомой кафедры: «Принимая во внимание свидетельство современника Иоакима Иерлича, что Петр Могила успел восхитить митрополию у Исаяи при помощи своих приятелей; принимая во внимание, что из огромного количества православных, прибывших в Варшаву на избирательный сейм, на котором состоялось его избрание, под актом этого избрания подписалось только 49 человек, что он поспешил отправить послов в Константинополь к патриарху за утверждением в самый день получения от короля грамоты на митрополию, что он хотел посвятиться в митрополиты не в Киеве, а во Львове; вообще, помимо свидетельства Иерлича, принимая во внимание все поведение Петра Могилы, едва ли можно сомневаться в том, что при содействии своих доброжелателей и, как выражается Иерлич, приятелей между русской и польской знатью, он сам успел достигнуть того, чтобы Исаяя, освободив ему место на кафедре митрополичьей, был удален с последней» (цит. по: Голубев, т. II, сс. 38 - 39).

Митрополит Макарий (Булгаков) отвергает факт искательства митрополии со стороны Петра, ибо православные были принуждены к избранию нового митрополита и епископов «непреклонностью короля», не хотевшего признать прежних иерархов, как не признававшихся прежним правительством (Макарий, История Русской Церкви, XI, с. 443).

Отсюда вытекает, что вступление Петра Могилы на Киевскую митрополию было вполне легальным с государственной точки зрения. А было ли безупречным с канонической точки зрения? Очевидно, что Петр занятием кафедры кассировал де-факто посвящение Феофаном митрополита и епископов в 1620 году.

Могила спешил заручиться поддержкой Константинополя и в тот же день, 12 марта 1633 года, когда получил грамоту на митрополию, отправил послов испросить себе от патриарха благословение на посвящение. Сакра была получена. Встал вопрос, какое избрать место для хиротонии. В Киеве, где сидел митрополит Исаяя, который имел многочисленных приверженцев, особенно из простого народа, Петр мог встретить недовольство. Мы помним, как киевляне по поводу заведенной Могилой иезуитской коллегии как инициатора, так и профессоров этой школы хотели отправить

в желудки днепровских осетров. Поэтому он избрал для посвящения г. Львов, где местное братство находилось в самых приятных отношениях с родом Могила, на средства которых была выстроена братская Успенская церковь.

После посвящения сонмом иерархов во главе с местным епископом Иеремией Тиссаровским Могила направляется в Киев. Исайя не хочет отказываться от кафедры, он отрицает законность избрания Могила. Тем хуже для упрямого старика. Могила применяет к нему крутые меры. Голубев констатирует: «По его распоряжению, престарелого и больного старика ночью схватили в Киево-Михайловском монастыре, где он настоятельствовал, и в одной власянице, перебросивши через коня, как какой-нибудь мешок, перевезли в Киево-Печерскую обитель» (Голубев, т. I, с. 553). На этом страдания старца не кончились. Преследования его продолжались. Исайя собирался бежать в Москву, но был схвачен и переправлен в Киев, где, очевидно, в Киево-Печерской обители, под строгим надзором вскоре, в 1640 году, и окончил свою многомятежную и многострадальную жизнь.

Были лишены кафедр и владыки, поставленные в 1620 году. Голубинский пишет: «Один человек для удовлетворения своего честолюбия не остановился перед необходимостью принести себе в жертву многих» (цит. по: Голубев, т. II, с. 39).

Въезд Могила в Киев ознаменовался еще одной акцией. В Варшаве Могила получил грамоту на владение Киевским Никольским монастырем. Братия его во главе с игуменом затворилась. Петр, «взявши несколько сот людей, с пушками, пошел и силою взял обитель». Игумен с некоторыми братьями убежал, спрятав ценные вещи. Могила «приказывал раскладывать чернецов по одиночке и бил их постромками до тех пор, пока они не сказали, где были спрятаны деньги и серебро» (цит. по: Голубев, т. I, с. 333).

Этот рассказ Иерлича подтверждается также письмом Киевского воеводы Тышкевича, помещенном в Приложениях к 1-му тому сочинения Голубева (Голубев, т. I. Приложение, сс. 548 - 552).

4. Почему митрополита Петра Могила неизменно, всю жизнь, преследовала тень подозрения его в измене Православию?

Мы уже отмечали, что избрание Петра на архимандритию затрудняли его приятельские отношения с двуличным Мелетием Смотрицким. Уния 1596 года не привела к объединению общества, а, напротив, расколола его на враждующие партии. В начале 20-х годов XVII века начинаются поиски объединения униатов с православными. Инициатива принадлежала униатскому митрополиту Иосифу Рутскому, который в 1621 году предложил созыв совместного собора православных и униатов для обсуждения спорных вопросов. Его поддержал Сигизмунд III. Идея «новой унии» привлекала и некоторых православных: дескать, путем взаимных уступок можно добиться замирения, вплоть до признания почетного главенства папы, «с тем только условием, чтобы оно не повлекло за собою в Православное исповедание латинских особенностей» (Голубев, т. I, с. 83; Коялович. Литовская церковная уния. Т. 2, с. 120).

В 1623 году польскими властями были предприняты первые практические шаги, ибо Речи Посполитой остро угрожала внешняя опасность. Король в видах прочного и успешного «успокоения греческой религии» образовал из сенаторов и сеймовых депутатов Комиссию, куда были приглашены Киевский митрополит Иов Борецкий и Полоцкий архиепископ Мелетий Смотрицкий. В это время вновь появляется идея Киевского патриархата. Синод Униатских епископов в Новогрудке предложил православным: «Абы был фундованный в наших краях, яко и в Московских патриарха... и по благословение нигде не посылал» (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1853, т. 4, № 224). Иначе говоря, предполагаемый патриарх мыслился независимым от Константинополя и Рима. Конечно, униато-католики преследовали явно политические цели — порвать связи православных с Москвой и Константинополем. Эта политическая акция была сорвана убийством в 1623 году униатского архиепископа Иоасафата Кунцевича. Исследователи отмечают, что православные иерархи благосклонно смотрели на это соглашение (Голубев, т. I, с. 88; Коялович, т. II, сс. 120 - 121).

Диалог иерархов обеих церквей возобновился, когда улеглись страсти после описанного убийства фанатика Иоасафа. Главным деятелем «новой унии» выступает Мелетий

Смотрицкий, который уже перешел в Унию. Дружа с Петром Могилой, он старался расположить его к этой идее. Могила, по словам Смотрицкого, оказался человеком очень рассудительным и посмотрел на разности между церквами весьма снисходительно (цит. по: Голубев, т. I, сс. 158 - 159). В начале февраля 1628 года архимандрит Петр Могила заезжал к Мелетию и пробыл у него два дня. В письме к униатскому митрополиту Рутскому Мелетий отзывается о Могиле, как о человеке «*po Ktorem pokoji cerkierwniego dobra nadzieja*» (цит. по: Голубев, т. I, с. 165).

На обратном пути из Перемышлянского повета Могила опять навестил друга, когда договорились о собрании южно-русских иерархов в Гродеке. На Гродекском Соборе 1628 года Иов Борецкий и архимандрит Петр Могила «не чужды были мысли о сближении с латино-униатами и допускали почетное признание папского главенства (там же, сс. 184 - 185).

Ревнители Унии не теряли надежды достигнуть желаемой цели. В ответ на жалобы православных король предложил созвать съезд обеих партий во Львове, православные предварительно собрались в июне 1629 года в Киеве. Казаки вмешались в эти переговоры. Они писали Иову Борецкому, что, хотя он и не приглашал их явиться на Киевский Собор, тем не менее они, из любви к своей вере (за которую готовы умереть), посылают в Киев двух товарищей с наказом зорко следить, чтобы «не было на Соборе постановлено чего-либо противного православию» (там же, сс. 208 - 209).

Также протестовали и обыватели Киевского воеводства. Митрополит Иов Борецкий все же осмелился созвать Собор в Киево-Печерском монастыре. Казаки сорвали первое заседание, требуя прекратить всякие собрания на предмет переговоров об Унии. На следующий день Собор вновь открылся «с дозволения архимандрита Петра Могилы». Опять явились казаки и потребовали разойтись, угрожая насилием. По сообщению королевского посла Адама Киселя, митрополит и архимандрит плакали, митрополит даже заночевал в Лавре, боясь расправы казаков. Собор был сорван, а иерархи извинялись перед королем. Киевские Иов и Петр были заподозрены в шаткости религиозных убеждений.

Е.Ф. Шмурло на основе Ватиканских архивов подтвердил эти подозрения. «Переговоры продолжались и после

вступления Петра Могилы в 1633 году на митрополичью кафедру... В ходе этих контактов дело дошло до обмена посланиями между Петром Могилкой и Римской Курией и встреч преемника Петра Могилы Сильвестра Коссова с папскими представителями в Польше» (Флоря Б.Н. Брестская Уния 1596 года и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в 1-ой половине XVII века. — Славяноведение, 1996, № 2).

Предметом переговоров были догматические вопросы; православные иерархи готовы были на ряд уступок по вопросам о чистилище, филиокве и др., но не хотели признать первенство папы.

В 30-х годах новая активизация униональных устремлений. В письме свергнутого митрополита от 1638 года Исаяи читаем: «Одноконечно, Король польский и паны радные и лядские архыбискупы приговорили на сойме, что в их Полской и Литовской земле православной христианской вере не быть..., а Киевский митрополит Петр Могила благословлен от папы римского ныне в великой пост в патриархи...» (Голубев, т. II, с. 24).

Голубев допускает, что в основе ложных слухов, распускаемых о Могиле Исаяей, лежат предложения Владислава, «сделанные нашему митрополиту о предоставлении ему, под известными условиями, патриаршества» (Голубев, т. II, с. 148).

Но Сейм 1637 года, собравшийся по униональному вопросу, вследствие разногласия партий был сорван. Затея короля окончилась неудачей. Начались казацкие восстания (в 1637 г. Павлюка, в 1638 г. Острияницы), которые, вероятно, заставили и Петра Могилу прекратить униональные переговоры. Поэтому мы не можем согласиться с категоричным заявлением протопресвитера Виталия Борового: «С польской стороны предполагалось, что патриархом должен быть Петр Могила. Он вполне устраивал поляков и униатов. Его кандидатуру выдвинул сам униатский митрополит Рутский и горячо поддержал это сам король. Однако Петр Могила оказался твердым в православной вере и таким оставался по конца своей жизни» (протопресвитер Виталий Боровой. Церковь Христова, ее природа. Автокефальные Поместные Церкви. — ЖМП, 1993, с. 31).

Преемник Петра Могилы Сильвестр Коссов снова назначил на 15 июля 1648 года съезд православных в Вильно для обсуждения вопроса о возможных условиях Унии, что говорит о том, что для православной иерархии в 30 - 40 годы XVII века «вопрос о соединении Церквей имел важное значение» (Флоря Б.Н. Там же, с. 25).

Такой вывод, на наш взгляд, отвечает истине. «Есть что-то загадочное и двусмысленное в образе Петра Могилы. Трудно понять, был ли он искренним ревнителем Православия или, скорее, искусным соглашателем», — правильно пишет отец Георгий Флоровский (Пути русского богословия, с. 44).